

GALINA BÍNOVÁ

ХРОНИКА НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ (Василь Барка и его роман «Желтый князь»)

Одним из наиболее важных процессов в украинской литературе, как, собственно, и во всех постсоветских литературах, является начавшееся во второй половине восьмидесятых годов и продолжающееся поныне возвращение народу отчужденных культурных богатств и ценностей. Прежде всего имеются в виду репрессированные в годы сталинского террора имена и книги, связанные с так называемым «расстрелянным возрождением», отразившие культурно-национальный подъем первых десятилетий двадцатого столетия. Однако термин «возвращенная литература» включает более широкое содержание: в культурный обиход вводятся произведения и имена художников, ставших жертвами всевозможных идеологических «чисток», перестраховки, забвения, клеветы, упрощения вкусов и т. д. Возвращенная литература – это, конечно же, и литература украинской эмиграции.

Волею судьбы за пределами Украины в разное время по разным причинам оказались десятки талантливых писателей и поэтов. Достаточно назвать имена членов самой, пожалуй, многочисленной колонии украинских литераторов-эмигрантов, располагавшейся в межвоенные годы в Праге: О. Олесь, Ю. Дараган, Л. Мосендз, О. Лятуринская, О. Ольжич, О. Телига, Н. Королева и др. Если говорить о художественной литературе, то самые значительные произведения были созданы преимущественно авторами старшего (эмигранты с Советской Украины) и среднего поколений. Творчество этих писателей, ранее обругиваемое или игнорируемое, объявленное сплошь неприемлемым, сегодня нуждается в дифференцированном подходе и спокойном объективном анализе.

Имя Василя Барки – крупнейшего из ныне живущих украинских писателей – на Украине только открывается. Долгие годы это была бесплотная, одиозная фигура в истории украинской культуры. Только в последние годы процесс ликвидации «белых пятен» истории и литературы приблизил нам неординарную, полную драматических коллизий биографию этого незаурядного художника, дал возможность познакомиться с его поэтическими и прозаическими произведениями и философскими работами.

Лучшим прозаическим произведением Василя Барки и одновременно одним из самых страшных романов мировой литературы считается роман-хроника о голоде на Украине, о преступлении, жертвами которого в первую очередь стали кормильцы народа, – «Жовтий князь» (написан в 1958-61 гг., впервые вышел за границей: Василь Барка, Жовтий князь. Мюнхен – Нью-Йорк, 1963). Роман заслуживает особого внимания, ибо является первым в украинской литературе крупным прозаическим полотном, посвященным этой национальной трагедии. Наконец-то он вышел и на родной Украине¹ «в длинной очереди на реабилитацию», по выражению американского филолога Юрия Шевелева, а вскоре и в Москве в мастерском переводе Леся Танюка.²

Тема голода, реального голода на Украине 1932-33 годов, – это пронизанная живой болью исповедь писателя. М. Жулинский в своем содержательном предисловии к украинскому изданию романа отмечает, что о страшных муках украинского народа в голодные 1932-33 годы было написано немного и прежде всего за границей, ибо на Украине об этом нельзя было и упоминать. В. Барка, сам переживший голод, собственными глазами видевший ужасы каннибализма, создал народную эпопею без надежды на публикацию. Основа сюжета «Желтого князя» складывалась из постепенно собираемого материала на протяжении четверти века – от времени страшных событий до начала оформления текста в 1958 году «Трагічна доля родини Катранників – Мирона, Дарії та їхніх дітей Миколи, Андрійка і Оленки із села Кленоточі – уособлює шлях на Голгофу голодної смерті мільонів українців.»³

Роман написан в своеобразной репортажной форме от имени семьи Мирона Катранника. Медленно и мучительно, один за другим умирает от голода семья. Первой тихо, никого не потревожив, покидает этот мир добрая и хлопотливая бабушка – ангел-хранитель дома. Никнут, словно подкошенные колоски, сначала старший сынок Микола, за ним – прозрачная, невесомая, уже не от мира сего Оленка. Отчаянно, из последних сил борется за выживание близких Мирон, за каждую гнилую свеколку или картофелинку, за горсть отрубей, кусок макухи, мерзкий обрубок конской ноги, мечется в поисках хоть какого-нибудь заработка – и падает замертво на пороге своей выстуженной холодом и опустошенной голодом хаты. А следом безвестно уходит из жизни и жена Дарья, судорожно сжимая в руке школьную тетрадку умершей дочери. Последний из рода, Андрейка, навсегда прощается с отчим домом, с развалинами, жуткими мертвыми владениями царя-голода, бывшими когда-то родным жильем...

В начале романа автор с высокой поэтичностью рисует традиционный, складывавшийся веками быт трудолюбивого и совестливого украинского

1 В. Барка, Жовтий князь. Роман. Передм. М. Жулинського. Дніпро, 1991.

2 Дружба народов 11-12, 1991.

3 М. Жулинський, У світлі віри. Передмова до ром.: В. Барка, Жовтий князь, Дніпро, 1991, с. 7.

крестьянства: опрятные домики, вишневые сады, красочные рушники ... Вот мама – в преддверии беды – наряжает Оленку в церковь: «лентами поверх бледного лобика украшает, словно звездами коронует. Цветы у виска, казалось, посылали во все стороны сияющие лучи. Как заря весенняя...» С болью в сердце следит писатель, как все это уходит, угасает, умирает. В голодную пустыню превращается все село Кленоточи, вся крестьянская хлебоборбская Украина, испокон веков кормившая не только себя, но многочисленных соседей. Смерть на выбирает, косит без различия – Бог ли у тебя в душе, дьявол или вообще пустота, одиноличник ты, «подкулачнику» или покорный колхозник, как, например, Лукьян, всегда и по всякому поводу первым тянувший руку «за» – за коллективизацию, за сдачу хлеба, за все нововведения власти. И смешно, и трагично звучат слова сельского дядьки: «Це ж Лук'ян, що голосує «за!» Дивиться, рука піднята!»⁴ Так, бедняга, и окоченел в снегу с вытянутой рукой «за».

Люди умирают в своих хатах и на дорогах, в поле и на железнодорожных станциях, у наглухо запертых дверей городских магазинов и просто на улицах, гибнут под пулями часовых на подступах к мельницам и складам. Их – мертвых и еще живых – товарняками вывозят в морозную степь, сваливают в снег, в пылающие огнем овраги, спускают под лед, складывают штабелями, как бревна... Барка настойчиво подчеркивает, что это не голод, не стихийное бедствие, не Божья кара. Разве не сознательно подчистую выметают озверевшие активисты все съестное – остатки зерна и картошки, мешочек непровеянного проса, даже узелок фасоли, даже последнюю краюху хлеба – из катранниковой хаты. День и ночь гудят жернова на мельнице, охраняемой, будто военный объект, непрерывным потоком уходят вагон за вагоном набитые до отказа мешками с мукой

На полу разграбленной церкви гниют – только бы голодающим не досталось – кучи зерна и картошки. А вокруг – только смерть и смерть, апокалиптические картины умирания: дворы и дома, где никто не убирает мертвых, дети со старческой безнадежностью в глазах, сошедшие с ума родители. Василь Барка выносит приговор – как очевидец и как художник.

Писатель убежден, что «страшенный голод в 1932-33 роках на Україні /.../ а на Кубані в 1933-34 роках, був пренависно спричинений всією зорудненою владою групи, що втвердила «культ особи» /.../ Заподіяно його знечуваною нельюдськістю, в масовій замучливій смерті. Мета: невідомо підрізати непокірне селянство, першою чергою – українське. Власті його життєву віру...»⁵ Голод трактуется Баркой как голодомор, гено- и этноцид, бестрепетной рукой направляемая, по-большевистски четко организованная война государства против украинского народа. Только теперь, ужасаясь, пытаемся постичь размах того преступления, проана-

⁴ В. Барка, Жовтий князь. Дніпро, 1991, с. 131 (Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы за цитатой).

⁵ В. Барка, Від автора. Передмова до ром.: В. Барка, Жовтий князь. In: У. Самчук, Марія; В. Барка, Жовтий князь. УЦДК, Київ, 1997, с. 134.

лизировать не подвластное нормальной логике, сосчитать количество жертв. Сколько их было? Пять миллионов (Р. Конквест), шесть с половиной (Д. Соловей), семь с половиной (О. Шиллер, С. Соловей, Е. Слонивский)? Если и так, то это чуть ли не пятая часть населения тогдашней Украины. А ведь многие предполагают, что количество жертв достигло десяти миллионов. Профессор Сорбонны Ален Безансон считает, что украинцев, погибших в годы голодомора, было как минимум столько же, сколько уничтоженных Гитлером евреев. Но ведь о массовом уничтожении евреев во время второй мировой войны знает весь мир, в то время как о массовом уничтожении украинского народа было почти неизвестно. Даже в короткий сезон хрущевской оттепели о голодоморе на Украине упоминать запрещалось. Для Барки фашистское и большевистское преступления – одной природы. М. Жулинский приводит в своем предисловии размышления писателя: «Я даже співчував єврейським жертвам цього голокосту... І я собі думав, що злочин, який Гітлер вкоїв супроти єврейського етносу, вкоєний і супроти українського етносу /.../ Я відчув, що це мій обов'язок – скласти свідчення про це. Я весь час збирав відомості. І мій персональний гіркий досвід був основою. А потім двадцять п'ять років збирав свідчення інших, кого тільки зустрів, хто пережив голод...»⁶

Надо отметить, что в художественном отношении не все страницы «свидетельства» Барки равноценны. Скрупулезное, почти протокольное перечисление деталей и нагнетание ужасов порой довлеют в ущерб художественности. Иногда голос автора как бы срывается от горя и ненависти и тогда голая публицистика, фельетон, шарж берут верх над художественным обобщением. Но это на периферии эстетической системы «Желтого князя».

В сюжете романа можно выделить три плана. Во-первых, это реалистическое изображение горестей и ужасов, свалившихся на семью М. Катранника, хроника которой является сюжетным ядром произведения. Здесь мастерски изображен крестьянский быт в холодеющей хате, борьба за существование, хождение по мукам в отчаянных поисках корки хлеба, изо дня на день тающая надежда на выживание, чудовищные картины массовой гибели. Второй план – психологический – раскрытие внутренних, душевных перемен в жизни человека, обреченного на муки, подобные крестным. В крайних ситуациях, на границе между бытием и небытием, жертвы голодомора сохраняют в себе человеческие чувства, моральные ценности, остаются людьми. И, наконец, третий план – метафорический, духовный. Сюда относятся объяснения различных событий и явлений иных, высших сфер, связанных с религиозными понятиями, а также явлений темных, враждебных человеческой природе. Символическое воплощение этой образности раскрывается через фигуру Желтого князя, изображенного на холсте неизвестного мастера.

⁶ М. Жулинський, У світлі віри. Передмова до ром.: В. Барка, Жовтий князь, Дніпро, 1991, с. 16.

В центре эстетической системы романа – оппозиционная пара: Мирон Катранник – Отроходин. Их противостояние, социальная и духовная несовместимость – смысловая доминанта романа, его нравственный нерв. Натренированным классовым чутьем выделяет Отроходин в толпе хлеборобов этого внешне неприметного, по-крестьянски обыденного человека. Рисуя образ Отроходина, Барка выразительными деталями передает общую извращенность социальной политики сталинизма, ее отчужденность от людей, от всякой нравственной нормы. У главного местного «партейщика» Отроходина «сумасшедшие глаза», в голосе «всесжигающая угроза», а любимое слово – «выкорчевывание». Сегодня он на коне, успешно выполненное задание по хлебозаготовкам сулит ему партийный звездный час, карьеру в столице, о которой он столько мечтает. Нужно отметить, что легендарная столица первого в мире социалистического государства не раз поминается в романе недобрый словом. Это оттуда расползаются по украинской земле отроходины – «не люди, а крючки – хлеб тянут!»

Этот невиданный кошмар приобретает в интерпретации Барки зловещий мистический характер. «Все разом мало вигляд якоїсь зловісної сатанічності, досі не відомої, але тепер прозначеної, нібо б діях вихідця звідкись: Жовтого князя, мов поворотного, з пойнятною позолотою гоголівського Вія, серед подій інфернального характеру. Свій залізний палець він спершу наводить на віруоче селянство України...»⁷ Украину фактически превращают в гигантскую резервацию, окруженную со всех сторон войсками, в которой мистически властвует Желтый князь – голод.

Желтые тона возникают на палитре романа с первых же страниц, по ходу всего повествования всякий раз, когда в том или ином обличе выступает Зло, несущее гибель людям. Оно предстает в желтом – разных оттенков – цвете: сернисто-желтые райисполкомовские двери и рыжие кожанки соцлужащих; ядовито-желтая кровля редакции газеты, трубящей о счастливой жизни хлеборобов... Разбрызганные по всему тексту романа блики мертвящей желтизны концентрируются в обобщенном метафорическом образе Желтого князя, демона зла, символа опустошения, нечеловеческих мук и смерти.

Так наряду с предметно-реальным выявляется подсудное измерение романа, которое сам автор называет «метафизическим, собственно духовным». Мирон Катранник с ужасом слушает пророчество случайно встреченного деда «про сатану і звіра, йому службового, про «виконавця» і жовту одяжку, в якій він князює», ибо пророчества эти осуществляются. Разговорчивый дед поясняет откровения Иоанна о Звере, который выходил из моря – «він з dna морського виходить, це – з життя народів, де всякі хвилі котяться.» И далее дед разворачивает перед онемевшим Мироном максимально приближенную к действительности апокалиптическую картину торжества зла – власти зверя.

⁷ В. Барка, Від автора. Передмова до ром.: В. Барка, Жовтий князь. In: У. Самчук, Марія; В. Барка, Жовтий князь. УЦДК, Київ, 1997, с. 136.

Образ желтого монстра-страшилища, за которым только тьма и смерть – символическое воплощение бесовской силы большевизма, попирающего самую жизнь. Мучит Мирона это видение, точит мозг, отказывающийся понимать, почему же гниют в буртах буряки и преет сваленное как попало зерно, а дети умирают от голода.

Люди охвачены мистическим страхом, ибо не могут принять абсурдной логики обнищания и изгубления своей же властью своих же граждан. Этот жуткий уничтожающий план мог родиться только в том, в кого вселился злой дух, дьявол. Селяне начинают верить в приход антихриста, в приближение конца света. Во всем люди усматривали знаки приближения беды: в библейском числе 666, в финале XIX века, который должен был, рано или поздно, обозначить свой конец каким-нибудь пекельством, в падении с неба мертвых птиц, в красном знамени, которое набухает и чернеет от пролитой крови. («То тільки видається, що їх прапори червоні, вони темні» – говорит мирон Катранник.) Каждый признак гипертрофируется, наполняется символическим смыслом.

Символический мир Василя Барки – сложная, многосоставная система, компоненты которой в большинстве укоренены в библейской мифологии. Здесь отдаленные отголоски ветхозаветного мотива, связанного с истуканом Ваалом, золотым кумиром. И мистические народные представления об антихристе, пришедшем в облике «коммуни»... И интерпретация апокалиптических пророчеств о сатане и о служащем ему звере, о палаче в желтой одежде и о конце века... Все эти мифологические приемы и библейские образы помогают художнику обобщить и и заострить картину всенародной трагедии в ее политических, социальных и психологических проявлениях.

Широко использует Барка и фантастическую, мифологическую образность, укорененную в фольклоре. Например, уже упомянутая мельница играет в произведении важную художественную функцию: она дает не муку, а муку. Вспомним, как Мирон Катранник в своих хождениях по мукам становится свидетелем и участником штурма сельской мельницы, на которую кинулись обезумевшие от голода селяне. «Одночасно станковий кулет мет почев бити з ворітні притулини» (с. 137). Люди падали, как скошенная трава. Мельница – своеобразная граница между жизнью и смертью, то есть это одновременно и реальный, и емкий мифологически-символический образ. Все эти приемы подчинены одной цели – создать главный, для писателя константный образ – исполненный страданий крестный путь на Голгофу, пройденный его народом следом за Сыном Божиим.

По отношению к «Колымским рассказам» В. Шаламова критика не раз отмечала «нечеловеческий труд переживания». Думается, в полной мере эти слова можно отнести и к автору «Желтого князя». И от читателя писатель требует того же. Эта книга – не для потребителей беллетристики. Это страшное, изматывающее чтение, страшнее любой фантазмагии. Здесь живая боль и кровь, здесь все оттенки человеческого горя – плач, скорбь, стон, вопль, рев раненого зверя. Иногда это запредельное чтение, как бы за

пределами искусства, ибо ужасы, о которых пишется, – за пределами человеческого бытия.

Читая роман, мысленно все время обращаемся к Апокалипсису. Это, собственно, созвучно авторскому замыслу писателя – большого знатока и интерпретатора Священного писания, тысячелетней традиции украинского христианства. Роман можно интерпретировать как развернутую апокалипсическую метафору, художественный сплав пророческих видений с фантазмагорически-реальными картинами земных ужасов и бедствий. Книгу можно воспринимать пессимистически, ибо эмоциональная атмосфера ее гнетущая. Разве есть в этом жестоком свете голода, людоедства, гибели и убийств надежда для маленького беззащитного существа Андрейки, который покидает отчий дом и идет куда глаза глядят, на поиски матери, которой давно уже нет в живых. И все-таки при всем этом книга оставляет ощущение не только ужаса, но и светлой печали, надежды. Ведь Апокалипсис не исчерпывается только предсказаниями гибели, Страшного суда, конца света, это еще и весть о возможности спасения, которое зависит от самого человека, от его веры. Таким мироощущением проникнут роман Барки.

После прошедших перед потрясенным читателем страданий, рыданий, мук и смертей кажется невероятным, что люди способны еще найти в себе силы для возвращения к земле, к человечности. Молодой Андрей Катранник перед тем, как покинуть руины родного дома, проверяет тайник, где зарыта церковная чаша, которую спасли от рук грабителей крестьяне, «страшно умирая друг за другом в обреченном кругу». Когда Андрей оглянулся, увидел: «...там, над скарбним місцем підводилося полум'я з такою великою і променистою сполукою ясминної просвітлості, пурпуру, крові, сліпучого горіння, ніби там могутності ненашого життя стали і підносять коштовність, відкрити з глибини землі. Палахотливий стовп, що розкидав свічення, мов грозовиці, на всі напрямки в небозвід, прибрав обрис подібний до чаші, що сховали ї селяни в чернозем і нікому не відкрили ї таємниці, страшно помираючи одні за одними в приреченому колі. Здається, над ними, з немліною і непоборимою силою. сходить вона: навіки принести порятунок». (с. 265). «Обрис чаші» – символ избавления и возрождения народа. Эта неистребимая вера в свой народ, спокойный оптимизм и надежда всю долгую жизнь сопровождают Василя Барку, всю его творческую Голгофу, вершиной которой стали 25 том эпических, лирических и драматических произведений, литературоведческих и философских работ. Писатель глубоко убежден, что именно христианская идея любви оберегала украинскую нацию. Потому все сатанистские эксперименты, направленные на уничтожение украинского народа, которые длятся от XIII столетия, не удались. Дмитро Степовик, встретившийся с писателем в Глен Спее, приводит ответ писателя на вопрос: «Що буде з Україною?» «А чого тут журитися?» – запитує Барка. – «Жодна структура, жодна цілість, яка виникла у християнську еру і під її впливом, яка дожила до кінця ХХ віку, – не пропаде, не вмре, не загине. Україна відродиться – і вже відроджується,

бо вона саме і належить до структур, милих Богові. Про це так ясно говорить нам історія. Страждання, втрати, жертви? Згадайте про Христову притчу про золото, сім разів переплавлене у горнілі: сьогодні іде сьома плавка... Згадайте про п'ять хлібів, якими нагодувано п'ять тисяч людей. Згадайте усе це – і ви одержите ключ оптимізму.»⁸

⁸ Д.Степовик, Глен Спей Василя Барки. Літературна Україна, 8 серпня 1991, с.5.